

Ничего не поделаешь: после кастрации нужно не меньше трех месяцев, чтобы снова начать ходить. Если заставить себя двигаться, пока раны не затянулись, то это можно сравнить лишь с пыткой, будто пронзают десятью тысячами мечей.

Очевидно, что Ли Яньнянь направлялся в поместье Вэй, а не в сторону Санчуньхуэя. Он шел крайне медленно, и лишь когда солнце начало клониться к закату, на горизонте показались ворота усадьбы Вэй. Тело Ли Яньняня сильно шаталось — хотя он и без того едва держался на ногах, сейчас его качало особенно сильно. Он протянул руку вперед, несколько раз открыл рот, словно пытаясь что-то сказать, но в итоге беззвучно рухнул на землю.

Ничего не поделаешь. Лю Че, скрывавшийся за углом, едва заметно кивнул, и сопровождавший его слуга тут же подбежал, взвалил Ли Яньняня на спину и помчался прочь. Когда они добрались до ворот резиденции Вэй Цина, привратники как раз собирались их запирать, поэтому слуга, уловив момент, бросил Ли Яньняня на ступени и скрылся.

Заметив юношу, привратники поспешили внутрь, чтобы доложить о случившемся. Вскоре Лю Че увидел, как Хо Цюйбин в спешке выбежал из ворот и унес Ли Яньняня внутрь.

Лю Че невольно испытал разочарование: он-то надеялся увидеть самого Вэй Цина, а вышел Хо Цюйбин. Впрочем, неважно. Раз Ли Яньнянь оказался за этими воротами, он неизбежно попадет под опеку Вэй Цина. Именно поэтому император не позволил Ли Гуанли вернуться за заставу и выгнал Ли Яньняня: загнанный в угол, тот непременно придет просить помощи у Вэй Цина — ради брата и ради самого себя.

Лю Че, довольный собой, вернулся во дворец. Теперь оставалось лишь запастись терпением и ждать. Учитывая характер Вэй Цина, он не верил, что тот сможет остаться в стороне, когда дело касается братьев Ли.

Он ждал, но даже глубокой ночью не было никаких вестей. Лю Че ворочался в постели, изнывая от тоски, вскакивал и бежал к дверям, спрашивая евнуха: «Кто-нибудь просил аудиенции?»

Получив отрицательный ответ, Лю Че лишь разочарованно произносил «ох» и возвращался в кровать. Пролежав с открытыми глазами долгое время, он снова вскакивал, бежал к дверям с тем же вопросом и получал тот же ответ. Когда он спросил в третий раз, результат не изменился. Лю Че с досадой лег обратно: ну конечно, уже почти четвертая стража, в такое время во дворец приходят только с экстренными донесениями о войне.

Наступил рассвет. Во время утреннего собрания Лю Че впервые шел в тронный зал с таким нетерпением. Он знал, что там будет Вэй Цин.

Вэй Цин действительно появился. Никаких прошений об отпуске, никаких опозданий или ранних уходов. Всё как обычно, ничем не отличается от прошлых дней, и уж тем более он не просил о частной аудиенции. Собрание закончилось, сановники отвесили поклоны и медленно потянулись к выходу. Вэй Цин удалялся все дальше, и Лю Че, глядя ему в спину, невольно

поднялся с места. Он пристально следил за ним, желая окликнуть, но не мог раскрыть рта.

Наконец, не выдержав, Лю Че потянулся к нему и открыл рот, чтобы что-то сказать, но обнаружил, что Вэй Цин уже скрылся за дверью. Протянутая вперед рука застыла на месте.

Уголки губ императора дернулись, и, заметив любопытные взгляды сопровождавших его слуг, он затряс затекшей рукой и пробормотал: Ох, засиделся, рука онемела. Он потянулся, разминая плечи: И поясница что-то ноет.

Он зашагал прочь, потирая плечо, и лицо его вытянулось: Вэй Цин, негодяй! Пока сам не придешь и не начнешь смиренно просить, я и пальцем не пошевелю!

Работа с докладами, доклады, снова доклады... Лю Че, изнывая от скуки, распластался на столе: Как же скучно... Когда же, наконец, придет Вэй Цин... Нет, постойте, сейчас именно Вэй Цин должен прийти просить меня, главное — не перепутать роли!

Вечером Лю Че продолжал ворочаться, задавал евнуху те же вопросы и получал те же ответы. Настал рассвет, и события предыдущего дня повторились...

Так прошло несколько дней. Лю Че окончательно пал духом, лежа на столе: А придет ли Вэй Цин вообще? Ох, хотя я и думал, что он не останется в стороне, но почему спустя столько дней его все еще нет... Ладно, во всем виноват я сам. Как только придешь, я извинюсь, сделаю всё, что скажешь! Так что приходи скорее, приходи, приходи!

Его взгляд случайно упал на солнечный свет, пробивающийся сквозь окно. На улице такая прекрасная погода... Поеду на охоту! Лю Че резко вскочил и широкими шагами направился к выходу.

Хм! Вэй Цин, делай что хочешь! У человеческого терпения есть предел, я и так прождал тебя несколько дней, проявив невиданное милосердие!

Синее небо, белые облака, солнце и свежий ветерок — скакать верхом по полю так приятно. А если вокруг молодые и статные телохранители, то ничего лучше в мире и быть не может.

Когда Лю Че, довольный, вернулся во дворец, было уже после второй стражи. Ему сообщили, что в полдень, как только император уехал, Вэй Цин пришел и долго ждал, но никто не знал, когда он вернется, ведь выезд был незапланированным. К началу второй стражи Вэй Цин, основываясь на прошлом опыте, решил, что если император до сих пор не вернулся, то, скорее всего, заночует вне дворца, и ушел. Они разминутись буквально на мгновение.

Лю Че тут же развернулся и бросился в погоню. Он бежал изо всех сил, не глядя под ноги, и попадал в лужи, оставшиеся после недавнего дождя, брызги летели во все стороны. Слуги гнались за ним, пытаясь предложить носилки, но он не обращал на них никакого внимания,

давно забыв о своем решении игнорировать Вэй Цина.

Телохранители склоняли головы в поклонах, а Вэй Цин шел по длинной галерее через огромную площадь. Честно говоря, он еще не решил, куда направиться. Уже вторая стража, императрица и принцы наверняка спят, ворота закрыты, проситься сейчас наружу — лишь лишние хлопоты. Где бы побродить?

Вэй Цин шел медленно и вдруг уловил отдаленный звук шагов. Поначалу не придавал значения, но вскоре понял, что шаги приближаются, и обернулся. В туманном лунном свете ему на мгновение показалось, будто огромный дикий кабан с выпученными глазами и прижатыми ушами несется прямо на него.

Не успел он опомниться, как существо подлетело вплотную и с силой набросилось на него —

Вэй Цин вздрогнул, очнулся от наваждения и понял, что Лю Че схватил его за руку. Император злобно выпалил: Кто позволил тебе уходить? Идем! Иди со мной!

Вэй Цин покорно позволил тащить себя следом. В ночной мгле лица Лю Че было не разглядеть, но хватка на его руке была очень крепкой.

Вернувшись в спальню, Лю Че отпустил его, поправил одежду и важно уселся, совсем не похожий на того, кто еще минуту назад носился как угорелый. Вэй Цин почувствовал легкое разочарование и смиренно опустился на колени. Лю Че небрежно вытянул ногу, высоко подняв ее, чтобы служанки сняли забрызганные грязью обувь и носки и надели сухие. Одновременно он насмешливо бросил: Господин Вэй, вы всё заняты общением с прекрасными девами, ведете столь беспечный образ жизни, да еще и новобрачный, как же вы нашли время навестить меня?

Хотя он и вернул Вэй Цина, но до сих пор не придумал, что сказать, и слегка сожалел о содеянном: Зачем было так спешить? Словно я ждал его с нетерпением! Весь авторитет растерял! Нет! Нужно проявить императорское величие!

Хотя он так думал, но вряд ли даже сам Лю Че замечал, что ведет себя слишком свободно и даже вульгарно — при других сановниках он себе такого не позволял. Но перед Вэй Цинем он привык быть собой, поэтому даже обувь снимал с предельной естественностью.

— Ваше Величество шутит, — ответил Вэй Цин. — У меня действительно есть дело, которое нужно обсудить. Речь о поражении Ли Гуанли. С тем количеством войск, что у него осталось, без подкрепления, пытаться одержать победу — всё равно что бить яйцом о скалу.

Лю Че ликовал в душе: именно этого я и ждал! Но внешне ответил равнодушно: В таком случае пусть не атакует, а сгинет там за заставой.

Вэй Цин возразил: Ли Гуанли был возвышен лично Вашим Величеством, и на то были веские

причины. Хотя он временно не оправдал доверия, почему бы не дать ему еще один шанс? Победа или поражение Ли Гуанли — это не личное дело, это судьба всей Великой Хань. Сяньбийцы не будут насмехаться над никчемностью одного Ли Гуанли, они будут говорить о слабости нашего государства.

Лю Че знал, что скажет Вэй Цин, но услышать это из его уст было совсем другое дело. Император был так взволнован, что чуть не прослезился: полгода! Полгода! После такого долгого ожидания он наконец-то услышал, как Вэй Цин говорит длинными фразами!

Сдерживая эмоции, Лю Че с невозмутимым видом произнес: О, твои слова имеют смысл, дай мне подумать. Не дожидаясь ответа, он повернулся к служанке: Который час?

— Скоро третья стража, — ответила она.

— Неудивительно, я проголодался, — Лю Че потер живот и приказал подать ночное угощение, причем каждого блюда — по две порции.

Суп из клейкого риса с винными дрожжами был изумительным, сладким, как мед. Особенно когда ешь свою порцию и смотришь, как Вэй Цин ест свою... Глаза Лю Че блеснули, словно в голову пришла идея.

Когда Вэй Цин закончил, Лю Че улыбнулся: Ну как, вкусно?

Вэй Цин кивнул: Очень вкусно. Сладкое и освежающее. Лю Че закивал, полностью соглашаясь: Верно, такое лакомство — словно нектар, невольно пробуждает поэтическое вдохновение. Господин Вэй, не сочините ли стихотворение об этом десерте?

Вэй Цин замер, а затем смутился. Лю Че прекрасно знал, что тот получил образование лишь в двенадцать лет, когда попал во дворец вместе с сестрой. Его грамотности хватало, чтобы читать книги и писать письма, но сочинять стихи? Это было для него настоящим испытанием. Он украдкой взглянул на Лю Че, который улыбался, глядя на него то ли серьезно, то ли в шутку.

Лю Че подгонял: Что же вы молчите? Сочиняйте скорее. Он видел, как лицо Вэй Цина краснеет, а от нетерпения покраснели даже уши и шея. В душе Лю Че вовсю ликовал: Вэй Цин и правда не умеет писать стихи!

Однако он сделал суровое лицо и хмыкнул: Ты смеешь ослушаться указа? Вэй Цин поспешно опустил голову, прося прощения: У меня слишком мало познаний, я не смею позориться перед Вашим Величеством.

— В любом случае, ты ослушался указа! Это преступление против монарха! Я тебя накажу!

Вэй Цин занервничал, но Лю Че, по-шутовски скалясь, заявил: Наказание будет таким — поцелуй меня. Он вытянул шею и надул губы.

Вэй Цин: ... — после чего произнес: Рисовый шарик кругл и мил, словно луна в небесах. Проглотишь один за другим — вкус сладкий, приятный, как мед. — Он опустил голову. — Ваше Величество, я исполнил ваш указ.

Лю Че: ... — Это считается?

— Ваше Величество просили стихотворение.

Лю Че: ... — Он подпер подбородок рукой, подался вперед и, прищурившись, протянул: Господин Вэй, когда вы писали любовные стихи моей сестре, вдохновение било ключом, а чувства были так искренни. Почему же сейчас весь ваш дар исчез без следа?

У Вэй Цина по спине пробежали мурашки, он опустил голову и виновато ответил: Времена меняются. Моих скудных знаний хватило лишь на то, чтобы выжать из себя те старые письма.

Лю Че прищурился еще сильнее: Ах ты, Вэй Цин, я уже давно выяснил, что те стихи сестре писал не ты, а другой человек. Еще и споришь, да когда же ты научился оправдываться? Впрочем, времени у меня предостаточно, я подожду.

И тогда он произнес: Понятно. Ну а играть в шахматы ты, надеюсь, не разучился?

Вэй Цин не понимал, к чему клонит император, и ответил правду: Нет, не разучился.

— Вот и хорошо, — Лю Че хлопнул себя по бедру. — Давай сыграем. Кто проиграет — тот понесет наказание. Правила такие: если проиграешь ты — целуешь меня, если я — целую я. Справедливо, не так ли?

Вэй Цин промолчал. Есть ли разница, кто выигрывает?..

Император намеренно не дает Ли Гуанли вернуться, не убивает Ли Яньняня, а лишь выгоняет его, чтобы тот пришел за помощью в поместье Вэй, потому что знал: я не останусь в стороне, ни по долгу службы, ни по личным причинам. Всё это было подстроено, чтобы я сам пришел просить аудиенции. Я догадывался, что легко не будет. Но раз император хочет играть, придется подыграть до конца.

Цао Сян пришел в поместье Вэй, но ему сказали, что Вэй Цин отправился во дворец к Лю Че из-за дел братьев Ли и до сих пор не вернулся.

Разве это не значит идти напрямик в пасть тигру? Цао Сян чуть не взорвался от ярости...

Спокойно, нужно успокоиться, убеждал он себя. Всё это не важно, главное — Лю Че обязательно воспользуется этим шансом, чтобы помириться с Вэй Цинем! Вэй Цин, Вэй Цин, Вэй Цин! Ты должен твердо стоять на своем! Лю Че — тот, кто погубил твою жену, ты не можешь простить его лишь из-за одного длинного разговора! Даже если он будет осыпать тебя сладкими речами, золотом и богатствами, это не вернет жизни Жуйюй!

— Я не убивал Жуйюй, веришь ты мне или нет?

После собрания, когда они оказались в кабинете и Вэй Цин закончил приветствие, а остальных удалили, Лю Че вдруг выпалил эти слова. Вэй Цин в изумлении поднял голову.

Лю Че сидел прямо, его шутливое выражение лица сменилось серьезным, а под глазами залегли тени. Это не удивительно: позавчера они просидели за шахматами всю ночь, вчера он снова пошел на собрание, а вернувшись, опять заставил Вэй Цина играть. Тот уговаривал его отдохнуть, но он не слушал, пока не выбился из сил и не задремал на мгновение.

Сегодня уже третий день, так даже стальной человек не выдержит.

Почему Лю Че так одержим шахматами? Он думал, что императору есть что сказать, но вместо этого услышал...

Вэй Цин был удивлен, озадачен и сбит с толку. Он не мог понять, к чему клонит Лю Че, но знал поговорку: попытка скрыть лишь делает тайное явным. Поэтому он ответил: Судьба Жуйюй была короткой, я никого не виню. То, что Ваше Величество так помнит о ней, — ее великая удача.

Однако Лю Че громко воскликнул: Ты не ответил! Я не убивал Жуйюй, веришь ты мне или нет?

Вэй Цин замер, глядя на него.

— Я спрашиваю, веришь ли ты, что не я ее убил? Я хочу сказать, что никогда не отдавал такого приказа.

Он наконец-то сказал это. Используя шахматы, чтобы удержать Вэй Цина, потратив почти три дня на подготовку, Лю Че сделал это лишь для того, чтобы набраться смелости произнести эти слова.

Он — император, Сын Неба, Дракон. Всё, что он делает, — правильно. Если император велит подданному умереть, тот должен умереть, иначе он не верен. Все вокруг — его слуги, они должны верить ему безоговорочно, любое сомнение — это дерзость. Сомневающиеся виновны, тем более в таких нелепых обвинениях. Зачем объяснять? Те, кто смеет сомневаться в нем, должны умереть! Но он не хотел, чтобы сомневающимся был Вэй Цин.

— У меня... у меня тоже есть гордость. Если бы я это сделал, я бы никогда не стал отрицать. Если ты мне веришь и хочешь выслушать, садись сюда. — Лю Че указал на место рядом с собой.

Вэй Цин стоял на месте, глядя на него издалека. Лю Че тоже смотрел на него.

Они встретились взглядами.

Тишина. Сердце Лю Че уходило в пятки.

И именно тогда, когда он почти отчаялся, Вэй Цин сделал шаг и медленно подошел. Он не хотел размышлять — чему быть, того не миновать. Раз уж Небом предрешиено, что Лю Че в этой жизни император, а он — подданный, значит, им никогда не быть на равных. Исходя из своего положения, что бы он ни думал в душе, у него не было другого выбора.

Только почему выражение лица Лю Че стало таким странным? Вроде бы напряженным, а вроде — обиженным. Необъяснимо.

Когда он подошел ближе, Вэй Цин увидел, что лицо императора стало еще мрачнее, и сердце его тревожно сжалось.

Пока он пребывал в недоумении, Лю Че внезапно развязал пояс, раскинул руки и ноги, лег на спину, закрыл глаза и сжал зубы: Давай! Его выражение лица было лучшим воплощением готовности к смерти.

Вэй Цин: ... — Что он делает?

— Давай же! — видя, что Вэй Цин не двигается, Лю Че снова поторопил его с закрытыми глазами.

Вэй Цин продолжал недоумевать: что значит давай? Подумав, он решил, что лучше спросить прямо.

Осторожно переспросил, и Лю Че ответил: Сегодня ты будешь сверху.

Вэй Цин: ... — Он поклонился: Раз Ваше Величество нездоровы, я не смею беспокоить. Прошу прощения, Ваше Величество, берегите себя. — И начал пятиться.

Лю Че поспешно приподнял верхнюю часть тела: Эй! Постой! Кто тебе разрешил уходить?

Вэй Цин, продолжая пятиться в поклоне, развернулся и зашагал прочь: Я пойду за лекарем.

Лю Че сполз с сиденья: Постой! Вернись! — он бросился в погоню за Вэй Цинем. — Не смей уходить! Вернись! Вэй Цин! Стой! Эй! Я тебя зову! — Что бы он ни кричал, Вэй Цин игнорировал его. Лю Че оставалось только бежать за ним, и в спешке он несколько раз наступил на подол своего халата. Грохот от его падений был оглушительным, и это заставило Вэй Цина оглянуться.

Вэй Цин про себя пожалел, что обернулся и потерял время. Если бы он просто ушел, было бы куда лучше. Пока он медлил, Лю Че уже дополз до него.

Вэй Цин поспешил дальше, рука уже легла на створку двери. Лю Че в отчаянии оттолкнулся от пола и прыгнул, с силой навалившись на плечи Вэй Цина. От мощного удара оба с криком рухнули на пол.

Перед глазами Вэй Цина замелькали искры. Когда они погасли, он обнаружил, что его оттащили назад на добрый фут. Вспомнив слова Лю Че, он похолодел: если он сделает так, как просил император, то, как только Лю Че потеряет к нему интерес, даже если у него не будет никакой вины, его род будет уничтожен! Он собрался с духом и снова пополз к выходу.

Как же тяжело на спине...

Лю Че изо всех сил удерживал его: Не смей уходить!

— Ваше Величество нездоровы, мне нужно привести лекаря. — Вэй Цин вытянул руку, вцепившись в косяк двери, и не сдавался.

— Со мной всё в порядке! — он тянул его назад.

— Ваше Величество уже бредите от жара, как вы можете быть в порядке? — Вэй Цин вцепился в косяк, отчаянно пытаясь выбраться.

На лбу Лю Че вздулись вены: Я в полном здравии! — он глубоко вздохнул, стараясь унять гнев, и в сердце защемило: почему одна эта фраза вызывает у Вэй Цина такой страх?

Он перестал тянуть, просто повис на нем, уткнувшись лицом в его поясницу. — Не уходи... — донесся глухой голос. Кроме как предложить Вэй Цину быть сверху, он не мог придумать другого способа удержать его — чины и богатства для Вэй Цина ничего не значили. Но теперь казалось, что и этот метод провалился. Что еще можно было предпринять? Лю Че никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Давление властью лишь отдаляло Вэй Цина еще дальше.

— Вэй Цин, прошу, не уходи... У меня остался только ты... Только ты...

Рука Вэй Цина, державшая косяк, ослабла. Слушая слова Лю Че, он замер и тихо произнес: У Вашего Величества есть императрица, принцы и принцессы.

— Принцы и принцессы — лишь дети. Твоя сестра — добрая и мягкая женщина, но, к сожалению, недалекая, умеет лишь покорно кивать. Десять с лишним лет назад я думал, что власть и подчинение всех вокруг — высшее наслаждение в мире. Вансунь вечно просил меня не относиться к нему как к рабу, а я ругал его за отсутствие достоинства... Но теперь я понял, что ошибался.

Вэй Цин обернулся, чтобы посмотреть на него.

<http://bllate.org/book/21150/2144309>